

Исмаева Р.М.

СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СЛОВ
В РУССКОМ И ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКАХ

R.M. Ismaeva

COMPOUNDING AS A METHOD OF FORMATION OF NEW WORDS
IN RUSSIAN AND DUNGAN LANGUAGES

УДК: 371/45-85.1

Словосложение является важнейшим способом газования новых слов в дунганском и русском языках вбиваемых разносистемных языках. Автор приводит жжество примеров с дунганского языка.

Compounding is the most important method of forming ' words in Dungan and Russian languages of different ipared. The author cites many examples dimnganskogo Wage.

Словосложение в русском языке, судя по всему, отнесено к морфологическому способу образования новых слов (1, С.209), в дунганском - к таксическому (2, С.85).

При описании грамматического строя материалы одних языков (в частности, флективных) доставляют благоприятные возможности больше ащать внимания на морфологические явления, материалы же других языков (в частности изолирующих) - на явления синтаксические. Этим, вероятно, объясняются только что приведенные факты из описания русской грамматики, где «морфологический» подход довлеет над «синтаксическим», и из описания дунганской грамматики, где «синтаксический» подход довлеет над «морфологическим».

А между тем язык предоставляет также возможности для иного, «комплексного» подхода, сокращающего разрыв между морфологией и синтаксисом. Так, словообразование русского языка, в частности один из способов образования новых слов - словосложение (его можно было бы назвать синтаксико-морфологическим или морфолого-синтаксическим) - позволяет, на наш взгляд, использовать именно этот подход. При словосложении используются, с одной стороны, отдельные морфемы, с другой - учитывается синтаксическое отношение складывающихся морфем, например: лесостепь (лес и степь) - связь сочинительная; лесопосадка (посадка леса или лесная посадка) - связь подчинительная (точнее определительная).

Словообразование дунганского языка, в частности синтаксико-морфологический способ, при котором новые слова образуются путем сложения слов (основ) с одновременным присоединением суффикса -ди, -зы и др., например: бамынди швейцар (ба 'охранять' + мын 'дверь' + -ди), также позволяет использовать «комплексный подход».

В любом случае словосложение следует рассматривать как один из важнейших способов словообразования, как в русском, так и в дунганском языке. Хотя по продуктивности в двух сравниваемых языках оно заметно отличается, но и общего в целом немало. Так, скажем, примеров так называемого «чистого» словосложения (основосложения) в русском языке можно привести множество, которым в

дунганском имеются очень, близкие соответствия: трудодень (труд + инф.О + день) - гунтян (гун 'труд' + тян 'день'), паравоз (пар + инф.О + воз) - хуэчэту (хуэ 'огонь' + чэ 'телега' + ту 'голова') и др. Хотя «чистым» словосложением в русском языке можно назвать лишь с натяжкой, поскольку складываемые компоненты соединяются инфиксом О или Э (фонол. - э, орф. - е). «Чистым» является словосложение в дунганском языке, при котором составные компоненты соединяются непосредственно, например: фынчуан (фын 'ветер' + чуан 'корабль') 'самолет', годи (го 'высокий' + ди 'низкий') 'высота' и др.

Словосложение в обоих рассматриваемых языках может сопровождаться суффиксацией, например: русск. лесопосадка, грузоподъемник и др.; дунг. Канмынди (кан 'сторожить' + мын 'дверь' + суфф. ди) сторож, фонёнди (фон 'пасти' + ён 'овца' + суфф. ди) пастух и др.

Компоненты словосложения и в том, и в другом языке могут принадлежать к одной и той же части речи - к существительным, например: русск. Лесостепь (лес и степь) и дунг. фулин (фу 'дерево' + лин 'лес') лес и др. Однако отношения между ними в русском языке могут быть как сочинительными, так и подчинительными, а в дунганском - только подчинительными, например: русск. железобетон (железо и бетон) и лесопосадка (посадка леса или лесная посадка); дунг. фуэжызы (полка для 'книг') 'книжная' полка и др.

Компоненты словосложения в обоих языках могут принадлежать также к самым разным частям речи, и отношения между ними могут быть самыми разными:

русск. сущ. + сущ. - (юго-запад, носоглотка, гипсокартон);

мест. + сущ. - (самозащита, самооборона);

мест. + глаг. - (самолёт, самоход, самокат);

прилаг. + сущ. - (красноречие, косноязычие);

прилаг. + прич. - (нижеследующее, выше-сказанное);

дунг. сущ. + сущ. -тофу (то 'персик' + фу 'дерево') персиковое дерево, фынчззы (фын 'ветер' + чззы 'тележка') флюгер;

мест. + глаг. - зылэфи (зы 'сам' + лэ 'приходить') 'водопроводная вода', зышинчззы (за 'сам' + цин 'двигаться' + чззы 'телега') 'велосипед' и др.;

прилаг. + сущ. - хуонгуа (хуон 'желтый' + гуа 'дыня') 'огурец';

хуончун (хуон 'желтый' + чун 'червь') 'саранча'; глаг. + сущ. - дачён (да 'бить' + чён 'стена') 'глинобитная стена';

цомян (цо 'жарить' + мян 'мука') 'жареная мука';
прилаг. + прилаг. - куанзый (куан 'широкий' +
зый 'узкий')

'ширина'; дащё (да 'большой' + щё 'маленький')
'величина'.

То, что компоненты словосложения в обоих языках могут относиться к самым разным лексико-грамматическим классам в приведенных примерах из русского и дунганского языка совершенно очевидно, поскольку части речи, к которым они принадлежат, специально выделены. Что же касается отношений между ними, то, вероятно, необходимо несколько подробнее остановиться на них.

В приведенных русских примерах *юго-запад, носоглотка, гипскартон* связь между компонентами сочинительная (юг и запад, нос и глотка, гипс и картон), а в остальных - подчинительная, которая в свою очередь подразделяется на определительную, глагольно-объектную и др. определительную (*красноречие, косноязычие*), глагольно-объектную (*вертихвостка, лизоблюд*) и др.

В дунганских примерах *хуончун* (хуон 'желтый' + чун 'червь') 'саранча' связь между составными частями определительная, а в примерах *дачён* (да 'бить' + чён 'стена') 'глинобитная стена', *цомян* (цо 'жарить' + мян 'мука') 'жареная мука' - глагольно-объектная; в примерах же *куанзый* (куан 'широкий' + зый 'узкий') 'ширина' и *дащё* (да 'большой' + щё 'маленький') 'величина' наблюдается такая связь как примыкание.

Своеобразно складываются синтаксические отношения между составными частями дунганских сложных слов, образованных путем сложения трех и более слов (основ): первый и второй компоненты соединены глагольно-объектной связью, а затем они вместе определяют последующее слово. Приведет примеры: *цитуоци* (щи 'всасывать' + ту 'пыль' + жи 'техника') 'пылесос' (букв, всасывающая пыль техника), *цифиок;и* (щи 'всасывать' + фи 'вода' + жи 'техника') 'водяной насос' (букв, всасывающая воду техника).

Очень интересны также двуложные существительные, первый компонент которых является глаголом, а второй существительным: *пома* (по II 'бежать' + ма 'лошадь') 'беговая лошадь', *цомян* II-I (цо II 'жарить' + мян III 'мука') 'жареная мука', *дачён* II-I (да II 'бить' + чён III 'стена') 'глинобитная стена', *дюдун* I-II (дю I 'терять' + дун II 'понимание') 'дремота', *канбин* III-II (кан III 'смотреть' + бин II 'болезнь') 'лечение', *зашу* III-II (за III 'поднимать' + шу II 'рука') 'голосование' и др. Такие существительные образованы способом словосложения и лексиколокации одновременно. Составные части их объединены в основном глагольно-объектными отношениями.

Аналогичным образом образованы двуложные глаголы, первый компонент которых также является глаголом, а второй - существительным: *дачуй* II-I (да II 'бить' + чуй I 'кулак') 'драться', *цягуй* III-III (ця III 'преклонять' + гуй III 'колени') 'умолять', *фэхуа* I-III (фэ 'говорить' + хуа 'слово') 'разговаривать', *аотгон* II-III (да II 'бить' + жон 'война') 'воевать', *и эщё* III-III (фи III 'лежать' + жё III 'сон') 'спать' и р.

Отличаются эти две группы очень похожих по структуре сложных слов прежде всего семантически:

первые обозначают предмет или имеют значение предметности», а вторые - действие или состояние. ! предложении или в связной речи первые ринимают морфологические показатели существительных (например: помашон 'на беговой лошади', омяншон 'на жареной муке', дачёншон 'на линобитной стене' и др., а вторые - грамматические юрмы глаголов (например: дачуйдини 'дерется', Ягуйдини 'умолять на коленях', фэхуадини 'разговаривает' и др.

Существует в русском языке тип сложных существительных с соединительным гласным О или которые соответствуют самым разнообразным ипам словосочетаний и обобщенно выражают то, то в словосочетаниях передается дифференцированно (водовоз - возит воду, водолаз - лазит в

Так, в отличие от порядка слов в словосочетаниях первая часть сложного слова обозначает объект, вторая - действие, например: сталевар варит сталь, рыболов - ловит рыбу, мясоед - ест ясо, птицеед - ест птиц, землемер - мерит землю, глекоп - копает уголь, ледокол - колет лед, ледолом ломает лед, водовоз - возит воду (прямое ополнение); паровоз - возит паром, электровоз - озит электричеством (косвенное дополнение).

Единичные случаи, когда основа со значением ействи занимают препозицию (*скалозуб, изоблюд, вертопрах, щелкопёр, трясогузка*). Часть о значении действия имеет форму повелительного склонения (*сорвиголова, горицвет, болиголова, ертихвостка*).

Порядок слов в русском языке относительно вободный, в дунганском же - строго фиксированный. И эта особенность не могла не отразиться на расположении составных компонентов сложных лов, которое соответствует порядку слов в словосочетаниях сравниваемых языков.

Так, первая часть русского сложного слова южет обозначать объект, а вторая - действие например: мясоед, землекоп и др.) и наоборот первая часть может обозначать действие, а вторая - субъект (например: скалозуб, лизоблюд и др.). Хотя нужно сказать, что первый тип русского сложного лова по отношению ко второму, конечно же, тревалирует: если примеров первого типа можно фивести великое множество (*рыболов, сталевар, птицеед, землемер, углекоп, ледокол, водолаз* и др.), *о* примеров второго типа очень мало (*щелкопёр, прясогозка* и др.).

В дунганском языке существует только тип сложного слова, аналогичный второму типу русского сложного слова, в котором первая часть означает действие, вторая - объект. Причем дунганские шожные слова этого типа гораздо многочисленнее наложных русских сложных слов: *зашу* (за воду, водобоязнь — боязнь воды, бояться воды, водопой - поение водой, поить водой, водосток - сток воды, вода стекает, водопад - падение воды, вода падает.

Нередки случаи, когда сложные слова не находят соответствующего словосочетания, которое смогло бы служить прототипом для образования первого (водоворот - нет «ворочается вода», глинозём - нет «глиняная земля»).

Отношения между составными частями (компонентами) сложного слова разнообразны и соответ-

ствуют многим видам словосочетаний: отношения действия к предмету (объекту или субъекту), обстоятельственные отношения действия и его признаков, меры и степени, определительные отношения между предметами и их признаками, объединение равноправных понятий сочинительного типа.

Порядок следования компонентов сложного слова в русском языке может не совпадать с порядком слов соответствующего словосочетания, 'поднимать' + шу 'рука' 'голосовать', *канбин* (кан 'смотреть' + бин 'болезнь') 'лечить', *щягуй* (щя 'преклонять' + гуй 'колени') 'умолять', *дачуй* (да 'бить' + чуй 'кулак') 'драться' и др. Зато сложных слов, аналогичных русским сложным первого типа, в которых начальный компонент обозначает объект, а последующий - действие, в дунганском языке вообще нет, поскольку в нем нет обратного порядка слов ни в предложении, ни в словосочетании, от которых, по сути, они и образованы. Иными словами, порядок расположения составных частей дунганского сложного слова таков же, что и в предложении и словосочетании. И это вполне естественно, поскольку сложные слова в дунганском языке появились в результате лексикализации предложения и словосочетания.

Примечательно, что во многих случаях в языке параллельно существуют сложное слово, с одной стороны, и словосочетание или предложение, от которого оно образовано, - с другой, например: цомян II-I 'поджарка из муки' - цо II мян III 'жарить муку', жучылё I-I-III 'жёлудь' - жу чы лё 'свинья ест корм' и др. Отличаются же они друг от друга в семантическом отношении тем, что в словосочетании и предложении передаётся дифференцированно. В фонетическом отношении сложное слово в отличие от словосочетания и предложения произносится на одном дыхании, без пауз между составными частями. Кроме того, становясь сложным словом, словосочетание или предложение зачастую теряют в своих составных частях этимологический тон, например: чон I чун I 'длинный червь' - чончун I-II змея, ён I фын I жё II щуэ 'веющий ветер крутит снег' - ёнфынжёщуэ 'метель' и др.

В русском языке разряды сложных существительных различаются тем, как объединяются между собой основы. По этому признаку выделяются:

а) сложные слова с соединительным гласным О или Е: *пароход*, *землепашец* и др.;

б) сложные слова с первой частью, имеющей форму родительного падежа числительного: *семилетие*, *трехлетка*, *пятирублевка* и др.;

в) сложные слова с первой частью, имеющей глагольную форму повелительного наклонения: *дер-*

жиморда, *сорвиголова*, *перекати-поле*, *держидерево* и др.;

г) сложные слова с первой частью, имеющей форму существительного именительного падежа без окончания: *генерал-майор*, *премьер-министр*, *генерал-губернатор* и др.

Аналогичных разрядов сложных слов в дунганском языке нет. Основы дунганских сложных слов объединяются непосредственно с помощью подчинительной связи или путем примыкания: *фынчуан* 'самолет' (фын 'ветер' + чуан 'корабль'), *годи* 'высота' (го 'высокий' + ди 'низкий') и др.

Вторая часть сложения в русских словах может быть непроизводной (*водовоз*, *землемер*, *снегопад*, *пулемет* и др.) и производной (*мореплаватель*, *цветоводство*, *камнерезка*, *долголетие* и др.).

Разряд сложных слов, обозначающих лиц и предметы, которые являются совершителями действий и близким к производным словам, употребляются с суффиксами действующего лица:

-*тель* (судостроитель, мореплаватель, законодатель, огнетушитель, стогометатель)-,

- *ец* (земледелец, орденосец, авианосец)-,

-*ник* (клятвопреступник, огнепоклонник)-,

- *к*, - *лк* (*мышеловка*, *водокачка*, *зернодробилка*).

- Вторая часть сложения в дунганских словах также может быть непроизводной (*дамын* 'ворота' - да 'большой' + мын 'дверь'; *чончун* 'змея' - чон 'длинный' + чун 'червь' и др.) и производной (*бамынди* 'швейцар' - ба 'охранять' + мын 'дверь' + суфф. - *ди*; *фипынзы* бот. 'коврики' - фи 'вода' + пын 'чашка' + суфф. - *зы* и др.).

Сложные слова, обозначающие лица и предметы, которые являются совершителями действий и близки к производным словам, в дунганском языке употребляются с суффиксами - *ди* (ёчэди 'кучер' - ё 'управлять'⁵ + чэ 'телега' + суфф. - *ди*; *потонди* 'рассыльный' - по 'бегать' + тон 'расстояние' + суфф. - *ди*) и - *щи* (щитужи 'пылесос' - щи 'всасывать' + ту 'пыль' + суфф. - *жи*; *щифищи* 'насос водяной' - щи 'всасывать' + фи 'вода' + суфф. - *жи*).

Таким образом, словосложение является важнейшим способом образования новых слов в двух сравниваемых разносистемных языках; во многом различаясь в них, в том числе и по продуктивности, оно содержит немало и общего.

Литература:

1. Грамматика русского языка. Т.1.-М.,1960.
2. Русская грамматика. Т.1.-М., 1980.
3. Имазов М.Х. Очерки по морфологии дунганского языка. - Фрунзе, 1982

Рецензент: д.филол.н., профессор Имазов М.Х.